

Миновала последняя волна осеннего паводка. Прокладывая путь на северо-восток через Е, она несла свои воды, преодолевая ряд опасных порогов и непрерывно разливаясь вниз по течению.

— Следующей весной нам придется прямо здесь рыть оросительный канал, — сказал Дуань Лин.

— Да, — У Ду смотрел на далекий берег. Ему предстояло сделать слишком много дел. Когда речь заходила о физической силе, вся работа падала на его плечи.

Время от времени он осматривал окрестности: горы по обе стороны от них образовывали глубокое ущелье, и каждый год в начале лета река Сюньшуй резко поднималась. Как только минует девятый месяц, уровень воды снова постепенно снизится. В центрально-северном районе Хэбэй Сюньшуй текла с северо-востока на юго-запад, где сворачивала к северу от Е на восток, направляясь к морю через Шаньдун.

— Когда бревна поплывут вниз по течению, — произнес У Ду, — они будут останавливаться здесь. Ты все предусмотрел.

Четыреста человек, держа поводья своих лошадей, осторожно переходили реку вброд по узкому проходу.

— Всем быть осторожными, — приказал У Ду, — мы уже на территории Ляо.

Противоположный берег был почти безлюден, все вокруг разграбили монголы. Хотя когда-то это была земля ханьцев, теперь здесь простилалась лишь унылая пустошь.

Холмы и долины покрывали местность, и никто больше не расчищал дорогу, так что сорняки проросли почти до середины тропы. Изначально У Ду планировал отдыхать днем и двигаться ночью, чтобы не насторожить киданей, но теперь этот план оказался совершенно ненужным — ведь в районе Сюньбэя никого не было.

Они шли целый день и не сталкивались ни с чем, кроме руин заброшенных деревень и сорняков ростом с человека. Монголы выжгли их родину, но травы и деревья упрямо росли из ее развалин, скрывая всю печаль, которая когда-то царила в этом мире.

Они шли вперед очень медленно. По мере продвижения Дуань Лин изучал местность, попутно рисуя карту. Возможно, в будущем им придется сражаться здесь, и все это было чрезвычайно ценной информацией.

Спустя день они вошли в район горы Ман. Если двинуться на запад, то они достигнут Сюньяна, а если пойти на север, то они доберутся до Шанцзы.

По всему пути встречались дикие звери и птицы, ведь осенью многие животные выходили на

охоту, и они могли добывать себе пропитание где угодно. По сравнению с Е и Хэцзянем, где не было ничего, кроме бесплодной пустоши, Сюньбэй правда был богат плодородными землями, пригодными для жизни, но, к сожалению, он стал совершенно безлюден.

— Мы на месте, — сказал Дуань Лин. — Долина Хэйшань прямо перед нами.

Через Долину Хэйшань протекало несколько рек, притоки которых собирались вместе и шли на юг.

— Начнем, — произнес У Ду, — все начинайте рубить деревья!

Большинство деревьев в Долине Хэйшань — сосны, но были и ели, и довольно много гинкго. С приходом осени слои золотистой желтизны и насыщенной зелени, казалось, окрашивали всю гору в свои цвета, а широкие полосы скал прорезали пейзаж черным цветом, отсюда и было название — долина «черной горы».

У Ду закончил расставлять дозор, а солдаты отвязали от поясов топоры и достали пилы. Дуань Лин получил от Янь Ди чертеж, и теперь он попросил солдат срубить сначала одно дерево, из которого они построят простую конструкцию, движимую водой, а на нее установят пильный диск. Этот процесс занял у них целый день.

К сумеркам пила, приводимая в движение водой, была готова к использованию. Срубленные деревья они бросали в ручей, где вода вращала их, обрезала лишние ветки, превращая в деревянные столбы, и отбрасывала в сторону. Когда их набралось достаточное количество, всю партию сбросили в реку, и несколько человек направило ее вниз по течению.

Дуань Лин работал так усердно, что на его руках появились мозоли. У Ду пытался остановить его, но Дуань Лин сказал ему, что не стоит беспокоиться. Он справится.

— Ты не знаком с такими вещами, — Дуань Лин, ежедневно изучавший чертежи и отчеты, составленные Янь Ди, в перчатках закручивал деревянный шип, обращаясь к У Ду. — Просто предоставь это мне.

С наступлением темноты солдаты оставили работу, чтобы немного передохнуть. У Ду совершал обход, и в долине зажигались костры, наполняя местность точками света, похожими на звезды. В итоге за один день они обработали три сосны, и это с учетом строительства водяного колеса и времени, затраченного на изучение местности, когда они только пришли сюда, так что все двигалось довольно быстро. Если так пойдет и дальше, то с завтрашнего дня они смогут рубить по пятнадцать деревьев за день, не меньше, и за месяц заготовят достаточно дров на зиму.

После ужина Дуань Лин так устал, что у него все болело, и он вместе с У Ду прилег в лесу, чтобы полюбоваться звездами.

— Твоя мать была родом из Хэбэя? — спросил У Ду.

— Да, — Дуань Лин повернулся на бок, изучая черты лица У Ду. — Мой господин, а вы откуда?

Их лица склонились близко друг к другу, и Дуань Лин протянул руку, касаясь носа У Ду, его бровей и переносицы. У Ду засмеялся и схватил его руку, зажав ее между пальцами.

— Из какого, по-твоему, края твой господин? — спросил У Ду.

— Ты похож на тангута, — невозмутимо ответил Дуань Лин.

У Ду, казалось, на мгновение опешил.

— Потому что мой отец рассказывал, что тангутские мужчины статны лицом, — улыбнулся Дуань Лин, — и постоянно ведут себя как псы во время гона.

У Ду уловил, что последняя половина фразы Дуань Лина была насмешкой над ним, и тут же опрокинул его, наваливаясь всем своим весом.

— Ты прав. Похоже, я действительно тангут...

Дуань Лин сразу же взмолился о пощаде — он работал весь день, все тело болело, и у него совсем не было сил на это безумие. Под весом У Ду он продолжал визжать, но У Ду прижался к его носу и поцеловал его.

— В каком месте я похож на тангута? Скажи мне, — наклонился к уху Дуань Лина и прошептал У Ду.

Пальцы Дуань Лина заскользили по грубым и выразительным чертам лица У Ду, и он произнес:

— В этом... и этом...

Он потянулся вниз и, расстегнув пояс У Ду, обнажил чистое белоснежное исподнее. Его грудь медного цвета была наполнена силой, как у тангутского охотника, проводящего все свое время на спине свирепого коня. А пресс был тверд и четко очерчен, как у скакуна, несущегося галопом по лугу.

— И в этом.

Дуань Лин почувствовал, как член У Ду упирается ему в низ живота, уже твердый, и потянулся к штанам, чтобы обхватить пальцами этот массивный, эрегированный орган.

Член У Ду был толстым, длинным, красивым и наполненным мужской силой, как рукоять длинного меча. Дуань Лин обхватил его рукой, большим пальцем вырисовывая легкие круги по головке.

— И... в этом.

— Ты трогал там того тангутского парня? — с ноткой ревности произнес У Ду.

Дуань Лин захихикал.

— Конечно, трогал. Когда мы были маленькими и еще учились в школе, мы купались вместе.

Он действительно купался с Бату и Хэлянь Бо, но тогда все они были незрелыми детьми. Он никогда не чувствовал такого, как у У Ду, наполненного агрессией взрослого мужчины.

— У кого больше? — слегка приподнял бровь У Ду.

— Конечно, у тебя, — искренне ответил Дуань Лин.

И правда, из всех, кого он видел и трогал, у У Ду он был самым большим. Но, конечно, нельзя исключать и того, что все они тогда были детьми. К этому моменту У Ду уже перешел к следующему шагу — развязал шнурок на штанах и снял халат. Полностью обнаженный, он откинулся назад и выпрямил спину. Дуань Лин сидел полулежа, и это зрелище казалось ему просто потрясающим: сильное, мускулистое тело У Ду излучало чувственную привлекательность взрослого мужчины, отчего кровь прилиwała к голове, щеки вспыхивали румянцем, а в ушных раковинах разгорался жар.

— Хочешь попробовать? — У Ду взял свой член за основание и поднес его к губам Дуань Лина. Учащенно дыша и с покрасневшими от смущения щеками, Дуань Лин провел языком по головке, а затем изо всех сил постарался втянуть его в рот.

У Ду чуть сместился, и Дуань Лин оказался полностью им заполнен, издавая горлом приглушенный звук. Они оба дышали все тяжелее, вдохи становились все короче, и вскоре У Ду сел и похлопал себя по ноге, показывая Дуань Лину, чтобы он поднялся и положил голову ему на бедро.

Дуань Лин опустил голову на бедро У Ду и, посасывая член, потянулся вверх, чтобы погладить свой уже твердый сосок. Учащенно дыша, У Ду просунул свою большую руку под одежду Дуань Лина и раздел его догола.

Подул горный ветерок, и Дуань Лин ощутил легкую дрожь, но в глубине души У Ду так манил его, что он чувствовал лишь обжигающий жар, словно в огне. У Ду обхватил его руками и поднял, улыбаясь.

— Разве ты не говорил, что устал?

Дуань Лин хмыкнул, соглашаясь, и, обхватив руками плечи У Ду, сел, обнимая его за талию. Они оба были полностью обнажены и сидели на куче разбросанной одежды, прижавшись друг к другу. Пальцы У Ду ласкали его поясницу, и он глубоко вдыхал свежий, чистый аромат кожи Дуань Лина. Тот тем временем слегка развернул голову, чтобы поймать губы У Ду.

— Я хочу тебя, — прошептал Дуань Лин.

— Позволь мне сделать всю работу. Просто получай удовольствие, — тихо сказал ему в ответ У Ду.

Его член, горячий и твердый, как жердь, медленно вошел в Дуань Лина между бедер, проникая в его тело. Он был уже мокрым и скользким, и, когда погрузился в него, Дуань Лин вздрогнул, его руки крепко сжали мощные плечи У Ду, а из уголков глаз едва не потекли слезы.

У Ду продвинулся внутрь лишь немного, а затем замер, ожидая, пока Дуань Лин привыкнет к нему. Дуань Лин закрыл глаза, сосредоточившись на ощущении входящего в него члена У Ду. После небольшой паузы У Ду продолжил проталкиваться все глубже, и на этот раз весь твердый ствол медленно погрузился в тело Дуань Лина, вызывая у него волнующее чувство наполненности.

Он открыл глаза и увидел, что У Ду смотрел на него, а его взгляд был полон любви.

У Ду сглотнул и засиял своей лукавой и плутовской улыбкой.

— Разве не у всех тангутов члены как у ослов? — со смехом произнес У Ду.

— Я... я понятия не имею, — задыхался Дуань Лин, потираясь виском о щеку У Ду и моля о пощаде. — Но твой правда очень большой. Не так сильно.

Едва У Ду начал двигаться, как Дуань Лин застонал — этот звук пробудил в У Ду все его дикие желания, но, увы, боясь причинить Дуань Лину боль, он мог лишь медленно входить в него, по одному скользкому движению за раз.

Дуань Лин выпрямил позвоночник, чтобы У Ду мог проникнуть в него поглубже, но тот ошибочно счел, что ему стало холодно от ветра. Он прошептал:

— Тебе холодно?

— Нет... — Дуань Лин терялся в ощущениях, и почти все его внимание было сосредоточено на проникающем в него огромном предмете, когда эта твердь осторожно прощупала самую

глубокую часть его тела.

— Ах! — когда она потерлась о самое чувствительное место внутри него, Дуань Лин не смог удержаться от возгласа.

По лесу пронесся шорох ласкаемых ветром листьев — небо над головой, земля под ногами, природа и свежий аромат полной жизни заставляли его трепетать. Подобно ветру, что вздымал верхушки сосен, умелые движения У Ду, как нарастающий прилив, посылали волны удовольствия по всему его телу.

— Я так тебя люблю, — прошептал У Ду, его голос звучал у самого уха Дуань Лина, прерывисто и страстно. Он повернулся, чтобы яростно поцеловать его, так сильно, что губы Дуань Лина стали мягкими и покраснели. Он уложил Дуань Лина на траву, обнажив перед ним сильные плечи и грудь.

Их глаза на мгновение встретились. У Ду склонился над ним, и Дуань Лин пробормотал:

— Не уходи...

У Ду ответил:

— Я защищу тебя.

Он полностью накрыл собой Дуань Лина, оберегая от горного ветра, который дул в их сторону; они крепко обняли друг друга, их конечности переплетались, но У Ду не прекращал движений, продолжая вбиваться в его тело. Крепко держась за руки, они прижимались друг к другу так тесно, от губ до языка, от груди до живота. Это был самый полный контакт кожа к коже, который они когда-либо испытывали.

В глазах Дуань Лина оставалась все та же блестящая река звезд, неуклонно все вокруг стихло, и У Ду кончил в него, бурно, горячо и влажно. Они долго смотрели друг на друга, тяжело дыша, и Дуань Лин нежно провел по лицу У Ду, поцеловав его в щеку.

Прошла целая вечность, прежде чем У Ду отпустил Дуань Лина, чтобы надеть нижнюю одежду. К тому времени его спина уже насквозь промокла от пота. Он продолжал держать Дуань Лина, помогая ему одеться. Все еще грязный и растрепанный, Дуань Лин просто смотрел на У Ду, затаив дыхание, и снова обнял его, словно не мог насытиться, прижавшись губами к его губам.

После бурного занятия любовью У Ду все еще не хотел отпускать Дуань Лина. Его одежда небрежно сползла к поясу, и они, обнявшись, шептали друг другу нежные слова под сенью дерева.

— Всю свою жизнь, — тихо произнес У Ду, — я больше всего жалею о том, что в свое время не

посетил Жунань, а предпочел отправиться в Цзянчжоу. Если бы я поехал туда, у меня был бы шанс увидеть городских детей и попытаться понять, кто из них — ты.

Дуань Лин засмеялся.

— Даже если бы ты приехал в Жунань, то мог бы и не встретить меня. А может, и взглянул бы на меня мельком, прежде чем мы прошли бы мимо друг друга.

В детстве Дуань Лин всегда ходил грязным, слоняясь среди уличных попрошаек с растрепанными волосами, чумазым лицом и в рваной одежде. Так он сейчас и выглядел.

— Жена моего учителя говорила... Что каждому человеку суждено встретить тех, кого ему предназначено встретить, и это решается в момент его рождения. Если бы я отправился в Жунань, то, возможно, проходил бы у поместья Дуань и увидел бы тебя.

Прислонившись к голой груди У Ду, Дуань Лин с улыбкой ответил:

— Тогда не забудь купить мне миску вонтонов.

— Я отвезу тебя за ними прямо сейчас. В Жунань? Поехали.

Дуань Лин молча уставился на него.

Не то чтобы Дуань Лин не задумывался о возвращении в свой старый дом, но всю дорогу сюда он думал только о вырубке деревьев, гадая, все ли пройдет гладко. Теперь же, когда дело, по сути, было решено, ему, конечно, больше не придется самому орудовать топором. Когда У Ду сказал об этом, ему вдруг захотелось вернуться и заглянуть в поместье Дуань.

Ему было интересно, осмелятся ли госпожа Дуань и служанки бить и ругать его, когда увидят, что он вернулся. Теперь у него за спиной был У Ду, и ему никто не был страшен.

Но что действительно оставило в его памяти самые глубокие воспоминания, так это тепло, подаренное Лан Цзюнься на фоне кружащихся снежинок, и миска вонтонов, съеденная в темном переулке при свете мерцающего фонаря.

Если он вернется домой с У Ду, храня в сердце другого человека, это будет несправедливо по отношению к нему.

— Давай в следующий раз, — сказал Дуань Лин. — Некоторые вещи... я еще не смог отпустить.

Но У Ду не ответил ему, подняв Дуань Лина на руки, и тот поспешно произнес:

— Я еще не сказал «да»!

У Ду помог Дуань Лину забраться на спину Бэнь Сяо, накинул плащ и, пожав плечами, отряхнул ткань, после чего сам вскочил на лошадь. Не проронив ни слова, он направил Бэнь Сяо по горной тропе.

Дуань Лин больше не пытался противиться и свернулся калачиком в объятиях У Ду. Он чувствовал, что У Ду знал, о чем он думал, — он хотел помочь ему справиться с этим. Он помнил, что восемь лет назад, когда Лан Цзюнься покинул Жунань с ним на руках, он пошел по тому же пути.

Тогда была зимняя ночь, вокруг них кружился снег, а горные хребты по обе стороны от них казались нарисованными кистью.

Теперь же осенний ветер разгуливался в ночи, и на небесном полотне зажигались звезды. Их свет заливал поля, а воздушный поток, пробегая по траве, волнами пригибал ее к земле. Одеяния У Ду развевались, пока он с Дуань Лином на руках мчал их коня по дороге. Под порывами ветра он смело и решительно направлялся к далекой, окутанной тьмой Жунани.

Дуань Лин, прижавшись к теплой груди У Ду, постепенно заснул. Он вновь вернулся — туда и обратно, а все эти сложные, тревожащие душу события брэнного мира оказались не более чем мимолетным сном.

Человек на спине коня, казалось, оставался с ним навеки — сопровождая Дуань Лина до скончания времен, до весны, когда потеплеет и начнут распускаться цветы.

Копыта Бэнь Сяо замедлили ход и остановились. Дуань Лин проснулся.

— Мы на месте? — взволнованно спросил Дуань Лин.

У Ду ничего не ответил. Он смотрел на городские стены.

Около часа за полночь они остановились перед городскими воротами, а наверху, как всегда, были видны те же иероглифы, теперь уже обветшалые и почти нечитаемые — Жунань. Ворота в город неподалеку были закрыты лишь наполовину и уже сгнили, а стены были покрыты следами гари.

— Может, зайдём внутрь? — У Ду тоже был удивлен — он не ожидал, что Жунань окажется безлюдной.

— Давай зайдём и посмотрим, — произнес Дуань Лин.

У Ду очень сожалел, ему не следовало подавать эту идею. Судя по всему, Жунань уже превратилась в город-призрак, а все жители переехали.

— Поезжай с восточной стороны города, — в голове Дуань Лина прояснилось, и он взял у У Ду поводья.

Встряхнув ими, он сказал:

— Я знаю дорогу.

Несмотря на то, что ему было всего восемь лет, Дуань Лин в своих снах бесчисленное количество раз посещал этот дом из детства, который оставил такой глубокий отпечаток в его воспоминаниях. Он повел Бэнь Сяо вокруг городской стены.

— Давай просто отправимся обратно, — произнес У Ду. — Мы можем вернуться в другой раз.

Дуань Лин сказал:

— Завтра мы вместе пойдем почтить память моей матери.

У Ду задумался: действительно, после возвращения Цай Яня ко двору тот ни словом не обмолвился о Дуань Сяовань — да и не просил похоронить родителей Дуань Лина вместе. Возможно, он поднимал вопрос, но они об этом не знали. Однако никто так и не явился в Жунань, чтобы перенести могилы. Все-таки эти земли принадлежали киданям, и пересечение границы было вопросом крайне щепетильным.

Если в будущем Дуань Лин сможет без проблем взойти на престол, он переселит своих родителей вместе. Когда Ли Цзяньхун был в Шанцзине, он тоже как-то обмолвился, что, когда вернется на юг, обязательно отправится на поиски матери Дуань Лина.

Не успели они далеко отойти, как обнаружили обрушившийся участок стены. Дуань Лин направил Бэнь Сяо в город, прямо по разбитым плиткам и камням, и, как только они свернули за угол, огляделись по сторонам.

Дома были сильно повреждены, будто их подожгли враги, а на главной улице веяли осенние ветры. Все было пустынно. Ни в одном доме не горела ни одна лампа. Город был окутан тьмой, и здесь больше никто не жил.

Нынешняя Жунань уже превратилась в город-призрак, который не оживлял даже лай собак. А вот берег реки оставался таким же, как всегда, с рядами посаженных ив. В ночной тишине журчала вода.

— Я часто играл на берегу реки, когда был маленьким, — обернувшись, сказал У Ду Дуань Лин.

У Ду обвел глазами окрестности.

— Я буду держать поводья. Просто скажи мне, куда ты хочешь пойти.

У Ду опасался, что поблизости могла быть засада, но даже если Теневая стража и была где-то рядом, они наверняка не знали, что У Ду и Дуань Лин прибыли в Жунань.

— Когда Чжао Куй велел тебе схватить меня, он не говорил о том, что нужно съездить в Жунань? — шепотом спросил Дуань Лин.

— Нет. Он не знал, откуда родом твоя мать. Он даже не знал, что у покойного императора был сын. Я догадался об этом, отталкиваясь от местонахождения Лан Цзюнься.

— Тогда и Теневая стража, наверное, не знает, — произнес Дуань Лин.

— Ш-ш-ш... — У Ду подал Дуань Лину знак замолчать и остановил лошадь у реки. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шумом бегущей воды.

— Ты это слышал? — спросил У Ду.

— Нет, — Дуань Лин выглядел совершенно потерянным. Он не обучался навыкам убийцы, поэтому его слух был не такой чуткий, как у У Ду.

— Кто-то все еще здесь, — ответил У Ду. — Или это просто ветер.

И теперь Дуань Лин действительно услышал. Шум доносился из переулка, расположенного на большом расстоянии от них, — легкое «жух» в самом конце улицы. Похоже, кто-то что-то передвигал.

— Или это рысь, а может, дикая собака, — сказал Дуань Лин.

У Ду приложил палец к губам:

— Ш-ш-ш.

Они присели и оставили Бэнь Сяо на обочине, не привязывая его к столбу. Бэнь Сяо хотел последовать за ними, но Дуань Лин поднял руку, приказав ему не двигаться, и тот остался ждать. Вдвоем они тихонько продвигались по переулку.

Из конца переулка донесся еще один слабый звук. На этот раз он был гораздо отчетлив, и Дуань Лин тоже услышал его.

Это был звук закрывающейся двери.

У Ду переложил меч в руку, а пальцами другой ладони взял Дуань Лина за руку. Медленно они шли к концу переулка.

Жу-ух. Вот опять. Дуань Лину казалось, что его сердце подкатило к горлу.

— Это поместье Дуань, — едва слышно прошептал Дуань Лин.

У Ду бросил на него взгляд, казалось, колеблясь, но тот убедил его идти дальше. Они свернули в другой переулок и услышали еще одно «жу-ух». Дуань Лин не мог удержаться от того, чтобы не подпрыгнуть.

— Здесь никого нет.

У Ду, все еще держа в руке меч, ударил костяшками пальцев по деревянным воротам, ведущим на задний двор, и снова убрал руку. Деревянная дверь издала щелкающий звук.

Это был шум ветра. Время от времени деревянные ворота распахивались и с шумом захлопывались обратно.

Однако Дуань Лин стоял перед задним двором с крайне озадаченным видом.

— Что такое? — спросил У Ду.

— Это не оно. Что здесь произошло? — воспоминания Дуань Лина уже путались.

— Что значит «не то»?

— Дорога за переулком... явно ведет к поместью Дуань, но эти ворота... когда они были построены? Даже стены двора теперь не те? Я помню, что раньше здесь был пруд — его тоже нет? Все исчезло? Как это место превратилось в совершенно другой дом?

У Ду смотрел на него, не зная, что и сказать.

Как будто он шел домой тем же путем, что и всегда, но когда он наконец добрался до него, то обнаружил, что это вовсе не его дом. Даже планировка изменилась.

— Может, они переехали? — предположил У Ду.

— Но разве стены двора тоже бы снесли? Дома по соседству тоже не кажутся мне знакомыми.

Это касалось не только усадьбы Дуань — даже соседние жилища к востоку и западу от нее полностью изменились. Что же здесь произошло? В глубине души Дуань Лина зародился холодок.

Он проверял все снаружи и изнутри, заглядывая в каждый уголок, а У Ду все это время неотступно следовал за ним.

Он больше не узнавал это поместье Дуань. Внутри и снаружи все казалось чужим.

— Может, ты неправильно запомнил? — спросил У Ду.

— Нет, — хмуро ответил Дуань Лин, — я никак не могу ошибаться.

В воспоминаниях восьмилетнего ребенка могли быть некоторые отклонения от реальности, в этом не было ничего странного. Он мог зайти в переулок, который выглядел точно так же, или, может быть, Дуань взяли немного денег и отремонтировали поместье сверху донизу.

Но при этом Дуань Лин утверждал, что это невозможно. Даже если бы они отремонтировали дом, планировка бы не изменилась. Он прошел по этому переулку бесчисленное количество раз, и вышел из него только после того, как на востоке взошла Венера. Вид у него при этом был весьма удрученный.

А вот У Ду, казалось, улыбался. Дуань Лин спросил:

— Чему ты улыбаешься?

— Оказывается, ты тоже можешь быть упрямым, — сказал У Ду.

Дуань Лин всегда умел смотреть на жизнь с другой стороны, и теперь, когда его называли упрямым, он остался равнодушен. Единственный возможный вариант — какая-то семья купила дом Дуань, сочла его неприглядным, поэтому снесла все постройки и возвела на том же месте новый, убогий домишко.

Позже нагрянули монголы, и Жунань в одночасье опустела, оставив этот невзрачный дом в одиночестве и лишив Дуань Лина всех воспоминаний.

— Я хочу сходить на могилу матери, — сказал Дуань Лин.

— Сначала поешь что-нибудь. Выпей воды и отдохни.

Дуань Лину хотелось спать, и он чувствовал себя немного расстроенным. Здесь было так много пыли, что он стоял на углу улицы и тер глаза.

У Ду налил ему воды.

— В какую нам сторону?

Внезапно раздался шум ветра, и прежде, чем Дуань Лин успел понять, что происходит, в миг рассвета из-за спины мелькнул длинный меч, направленный прямо в У Ду!

У Ду резко оттолкнул Дуань Лина в сторону, выхватив свой клинок с металлическим звоном. Его плащ взметнулся в воздух, когда он развернулся, парируя удар, нацеленный в спину.

Дуань Лин успел разглядеть нападавшего — высокий, в чёрном, ростом в девять чи, он двигался стремительно, как вихрь. Когда он скрестил мечи с У Ду, каждый из них отклонился в сторону, и в этот момент Дуань Лин, словно по наитию, почти бессознательно воскликнул:

— Чан Люцзюнь!

Еще не смолк его крик, как высокий убийца уже обрушил меч на плечо У Ду. Тот резко выбросил руку с кастетом, и стальные зубцы вцепились в Байхунцзянь. Рывком выкрутив оружие, он вызвал гудящий звук, от которого у Дуань Лина заложило уши. В тот же миг У Ду развернул меч, подставив его лезвие.

Красное солнце, поднимаясь над горизонтом, отразилось в стали Легуанцзяня, и ослепительная вспышка ударила в глаза убийцы. Под черной маской веки сузились — нападавший почуял опасность и рванул назад. Еще мгновение — и клинок У Ду сорвал бы с него маску!

— Хе-хе, — усмехнулся убийца, выдавая знакомый голос Чан Люцзюня.

Дуань Лин на мгновение потерял дар речи, а затем произнес:

— Эй, прекратите уже драться!

Чан Люцзюнь напал на У Ду только из желания проверить его навыки боевых искусств, но тот, не проронив ни слова, будто тень настиг его, взмахнув длинным мечом под углом.

Чан Люцзюнь яростно прошипел:

— Разве я не могу тебя немного подразнить?!

— Хватит, хватит! — Дуань Лин тотчас попытался уговорить У Ду.

У Ду не убирал меч в ножны, пока Дуань Лин не попросил его.

Чан Люцзюнь ответил:

— Я давно следил за вами, но вы двое просто стояли на месте.

Дуань Лин чувствовал, как его сердце мгновенно заледенело.

— Где ты прятался?

Чан Люцзюнь указал на трактир в углу. Именно там Дуань Лин протирали глаза.

— Чан Люцзюнь, — угрожающе холодным тоном произнес У Ду, — больше так не шути. Иначе мне придется начать тебя травить.

Чан Люцзюнь не ответил. Под маской он взирал на Дуань Лина.

— Неужели ты думал, что я подниму руку на своего учителя?

— Кто знает, какие ужасные намерения ты хранишь в своей голове? — с издевкой процедил У Ду.

— Ученик, что ты здесь делаешь? — встреча с Чан Люцзюнь не могла не радовать Дуань Лина — неужели он пришел сюда по приказу Му Куанды, чтобы найти семью Дуань? Он очень надеялся, что был не прав.

Чан Люцзюнь убрал меч в ножны.

— Пойдемте со мной.

Что им делать? Подумать только, они столкнулись с Чан Люцзюнем именно здесь. Дуань Лин бросил взгляд на У Ду. Тот взял в одну руку поводья Бэнь Сяо, а в другую — руку Дуань Лина и слегка сжал ее, давая понять, что беспокоиться не стоит.

Дуань Лин и У Ду обменялись взглядами, а Чан Люцзюнь молча шел впереди них. В этом мертвом городе и без того все молчали, отчего атмосфера становилась все более зловещей.

— Учитель, — Чан Люцзюнь обернулся, чтобы взглянуть на него, и пару раз цыкнул себе под нос. — Почему ты не очень-то и рад меня видеть?

Дуань Лин не мог ни улыбаться, ни стоять с каменным лицом; уголок его рта дернулся, и он сказал:

— Может быть, в следующий раз попробуешь поприветствовать по-другому?

Чан Люцзюнь потянулся обнять Дуань Лина за плечи:

— О, иди сюда.

Дуань Лин повернул голову и бросил взгляд на У Ду, давая понять, что будет слишком странно, если они все это время будут молчать, и подошел ближе к Чан Люцзюню, позволив ему положить руку себе на плечо.

Чан Люцзюнь, самый высокий из четырех великих убийц, обхватил Дуань Лина за плечи, словно подхватив щенка, и спросил:

— Ну и как ты поживаешь на посту губернатора?

— Я... хорошо. Зачем ты сюда приехал?

— Господин канцлер велел мне приехать, чтобы разыскать кое-кого. Напомните-ка, что вы двое здесь делаете?

Дуань Лин рассказал, что вместе с У Ду он пришел к границе Ляо, чтобы рубить деревья, а когда они проголодались посреди ночи, то решили заглянуть в Жунань, чтобы купить немного еды, но обнаружили, что это место превратилось в город-призрак. Чан Люцзюнь задумался, а потом ответил:

— Жунань пережила несколько монгольских набегов, и они перебрались в Аньси. Если вы поедете вдоль горы Лоян на северо-запад, то попадете в их новый город.

Так вот оно что... Дуань Лин почувствовал, как в его сердце зародилось некое подобие надежды. То есть, скорее всего, Дуань тоже переехали. Погодите-ка. Чан Люцзюнь сказал, что Му Куанда попросил его приехать и разыскать кого-то. Кого он выслеживает?

Дуань Лин сразу же почувствовал, как сердце подкатило к горлу, и так продолжалось до тех пор, пока Чан Люцзюнь не остановился возле заброшенного чайного домика.

— Господин Чан, угадайте, кого я повстречал? — воскликнул Чан Люцзюнь.

Внутри чайного домика на изношенной тканой циновке лежал человек, и, услышав это, с трудом поднялся.

— Ван Шань?

— Господин Чан Пин! — Дуань Лин несказанно удивился.

У Ду хмуро спросил:

— Чан Пин?

Через четверть часа Чан Люцзюнь вскипятил воду, а У Ду разделил им часть сухого пайка. Они пили воду из обломанных чашек, заглатывая сухие пайки, заменив ими завтрак.

— Я думал день отдохнуть в Жунани, а потом отправиться в Е, чтобы попросить тебя о помощи.

Хотя Чан Пин, казалось, пребывал в тяжелом положении, тем не менее, при разговоре он сохранял спокойствие и уравновешенность. С распущенными волосами на плечах он выглядел довольно забавно.

Они просто проходили мимо, Дуань Лин почувствовал, как его сердце снова мягко встало на место, а когда он расслабился, его тон тоже стал более спокойным. Он улыбнулся.

— Что вы здесь делаете, господин Чан Пин?

— Это долгая история. Когда мы снова встретимся с канцлером Му по возвращении, ты сможешь выведать у него всю историю. Он расскажет все подробности.

Дуань Лин беспомощно спросил:

— Но когда я вернусь, пройдет три или пять лет?

Чан Пин усмехнулся.

— Военная служба принесла вам двоим славу. Хотя столичные чиновники назначаются на три года, но императорскому двору сейчас нужны люди. Кроме того, трем лучшим выпускникам гражданских экзаменов не нужно так строго придерживаться правил. Канцлер Му сказал, что после осеннего сбора урожая в следующем году, как только в Хэбэе установится стабильность, вас обоих отзовут обратно. В противном случае у нас и правда не хватит рук.

У Ду, опираясь локтем на чайный стол позади себя и развязно раскачиваясь с закинутой ногой на ногу, сказал:

— А что, если мы не захотим возвращаться?

— Айо, — Чан Пин, однако, ничуть не рассердился и пошутил. — Генерал-комендант — чиновник четвертого ранга, а все мы — простолюдины. Так что, полагаю, мы вас оскорбили.

Чан Пин встал, собираясь поклониться У Ду, но Дуань Лин прекрасно знал, что у того полно хитростей в кармане, и если они его обидят, неизвестно, какая из его уловок в итоге будет использована против них. Этот поклон они просто не могли принять, поэтому Дуань Лин положил руку на плечо Чан Пина, чтобы остановить его.

— Господин Чан Пин, давайте перестанем ходить вокруг да около. Мы все здесь одна большая семья, так что не нужно говорить иносказаниями.

У Ду спросил Чан Люцзюня:

— Вы двое пришли искать Чжэньшаньхэ?

Кроме Чжэньшаньхэ, У Ду не мог придумать, какая еще миссия могла бы заставить мастера боевых искусств Чан Люцзюня и ученого Чан Пина, самых верных помощников Му Куанды, покинуть его.

— Чжэньшаньхэ? — не глядя на него, ответил Чан Пин. — Конечно, нет. Объяснять это слишком долго, но поскольку мы уже позавтракали, прошу вас следовать за мной.

Куда мы теперь пойдём? В голове Дуань Лина заныло. С середины прошлой ночи его таскали туда-сюда без всякого выбора: сначала У Ду привел его в Жунань, потом Чан Люцзюнь отвел его в чайную лавку, а теперь Чан Пин собирался отвезти их неведомо куда. У него просто голова кружилась от усталости, когда его вот так мотали по всему городу.

Тем не менее Чан Пин уже встал на ноги. Они не могли не помочь ему, поэтому им осталось лишь подняться и последовать за ним.

Только что взошло солнце. Накануне вечером Дуань Лин не успел толком осмотреть город, бросив лишь беглый взгляд, и только сейчас увидел, в каком состоянии находилась Жунань — под мостом, где он когда-то коротал время, лежали белые кости, улицы были завалены мусором, а на осеннем ветру вились обрывки бумаги. На задних дворах собирались безудержно каркающие вороны.

Подсознательно Дуань Лин хотел повернуться, чтобы посмотреть, но У Ду рукой закрыл ему глаза и толкнул вперед.

Не то чтобы Дуань Лин раньше никого не убивал, но это был его дом; в чайных лавках, рядом с лапшичной, в магазине, где продавали масло, возле проезжающих карет, даже вокруг правительственных зданий киданей — от середины рыночной площади до тенистых уголков под деревьями, все это было местами, в которых он оставлял свои следы.

— Идемте сюда, — обернувшись, сказал им Чан Пин.

— Что случилось с Жунанью? — спросил Дуань Лин.

— Два года назад напали монголы. Кроме Жунани, они напали еще на несколько мест, разрушая города и деревни по пути. Этот город пал и был разграблен монголами. Простолюдины либо погибли, либо разбежались, — ответил Чан Пин. — Вот так она стала такой.

Дуань Лин вспомнил, что в тот год, когда он бежал в Сычуань, он прошел весь юг от гор Сянбэй. Там было так много людей с разными акцентами, что, возможно, среди них были и выходцы из Жунани.

У Ду бросил взгляд на Дуань Лина, напомнив, что не стоит задавать лишних вопросов, чтобы Чан Пин не счел это странным. И хотя Дуань Лину отчаянно хотелось расспросить его поподробнее о том, что произошло в Жунани, он понимал, что пора остановиться, иначе, если Чан Пин что-то заподозрит, это принесет им одни неприятности.

Чан Пин повел их в огромную резиденцию. Стоя во внутреннем дворе, он сказал:

— Канцлер Му отправил меня сюда, в Сюньбэй, с заданием найти одного человека. Я нашел его в Аньси, но старик правда уже немолод, а лето было таким жарким, что я не решился взять его с собой в путешествие обратно в Цзянчжоу.

Дуань Лин и У Ду ничего не говорили, а просто слушали Чан Пина.

— В шестом месяце я написал письмо и поручил своему личному помощнику Цзинь-эру отвезти его в Цзянчжоу. К сожалению, на полпути Цзинь-эр пропал, и письмо так и не было доставлено. А потом, сначала я не знал почему, но восемнадцатого числа седьмого месяца монголы пришли с юга и пересекли Аньси, насилуя и грабя всех на своем пути, убивая и забирая все, что попадалось им на глаза. Монголы выжгли дотла большинство деревень за границей Ляо.

Дуань Лин на мгновение замер, прежде чем ответить:

— Мы прогнали Борджигина Бату за Сюньшуй. Должно быть, они ушли на север вдоль границы Ляо и Юань.

— Именно так, — ответил Чан Пин. — Монгольская орда на юге, идущая на север, встретилась с монгольской ордой, идущей с севера на юг, и они выжгли Аньси дотла. Сейчас они осаждают Лоян.

Дуань Лин опешил.

— Так получилось, что человек, которого я ищу, был в Аньси. В ту ночь хаосе войны я нанял людей, чтобы они привезли его в Лоян, и на полпути на нас напали, но, к счастью, мне удалось выжить, спрятавшись под повозкой. Однако к тому времени, как я выбрался, я уже нигде не мог его найти. Я все еще не терял надежды, что он еще жив, поэтому последовал за другими беженцами в Лоян. Несколько дней я искал его за пределами города, но мне не удалось найти тело. Я хотел попробовать выяснить, что происходит внутри Лояна, но его окружила монгольская армия, и я не рискнул безрассудно идти в город. Было бы неразумно погибнуть из-за пустяка.

Чем дальше продолжался рассказ, тем больше Дуань Лин недоумевал. Му Куанда поручил Чан Пину найти конкретного старика. Почему он так поступил? И раз Чан Пин не смог его найти, почему он просто не вернулся в Цзянчжоу? И что он теперь делает в Жунани?

— Тогда вам лучше вернуться, — произнес У Ду. — Сейчас мы двое — придворные чиновники. Появление здесь уже противоречит правилам, а мы планировали вернуться в течение месяца. У нас дел непочатый край.

— Господин канцлер знает о том, что вы делаете в Е. Ван Шань, У Ду, поскольку я следую за канцлером Му на несколько лет больше, чем вы, то, боюсь, я должен бессовестно использовать это старшинство, чтобы попросить об услуге. Этот человек очень важен для нашего дела, и другие люди тоже ищут его... — Чан Пин умолк, скрывая вторую половину фразы.

Меж бровей Дуань Лина пролегла глубокая морщина. Он знал, что если Чан Пин говорил ему, что это «крайне важно», значит, это было крайне важно.

— Все, что мне нужно, — это чтобы ты вместо меня выяснил, что происходит в Лояне, и нашел этого человека. Можешь рассчитывать на меня во всем, что нужно сделать в Е.

— У нас уже достаточно зерна, — ответил Дуань Лин. — На самом деле нам не нужна ваша помощь, господин Чан Пин. Мы все здесь умные люди, и вы тоже были рядом, когда я стал членом поместья. Поскольку это приказ канцлера Му, конечно, я сделаю все, что в моих силах. Но вы должны рассказать мне, что это на самом деле за дело. Хотя бы для того, чтобы облегчить мне задачу по отправке в город.

Дуань Лин сделал паузу и бросил взгляд на У Ду. Тот молчал и хмурился, как и прежде. Вскоре он кивнул Дуань Лину в знак того, что сделает все, как того пожелает он.

Похоже, это и впрямь заставило Чан Пина задуматься, и Дуань Лину вдруг пришла в голову

мысль: а не может ли быть так, что Дуань отправились в Аньси, а Му Куанда каким-то образом отследил историю семьи «наследного принца» и хочет привести кого-то из семьи Дуань к императорскому двору, чтобы доказать, что наследный принц — самозванец?

— Я не скажу тебе, — долго размышлял Чан Пин, прежде чем решительно произнести. — И это для твоего же блага. Ван Шань, твое будущее безгранично, и как только ты закончишь это дело, слава осветит твой путь. У тебя впереди светлое будущее, в отличие от меня. Я всего лишь ученый, сдавший провинциальный экзамен. А ты Таньхуа.

На этом моменте догадки Дуань Лина подтвердились, и кровь в его жилах словно застыла.

Чан Пин кивнул Чан Люцзюню, и тот открыл дверь на противоположной стороне коридора во внутреннем дворе.

Чан Пин сказал:

— Позвольте мне продолжить, прежде чем мы зайдем. Поскольку я не мог попасть в город, и дело осталось незавершенным, я должен был хотя бы узнать, жив он или мертв; нельзя же было вернуться с пустыми руками. Поэтому я ждал в Жунани, полагая, что канцлер Му обязательно отправит кого-нибудь на поиски.

Это вновь подтвердило догадки Дуань Лина: раз канцлер Му Куанда послал Чан Пина в Жунань на поиски человека и потерял с ним связь, он обязательно отправит кого-то за Чан Пинем. Первой точкой назначения для посланца станет Жунань — именно здесь его и будут искать.

Разумеется, — продолжил Чан Пин, — я и представить себе не мог, что отправят Чан Люцзюнь, но и он не смог пробраться в Лоян. Во-первых, город очень на осадном положении, ведь армии киданей и монголов находятся в разгаре войны, а во-вторых, Чан Люцзюнь не может... Во всяком случае, он не умеет выслеживать людей.

— Во-вторых, я не умею читать, — раздраженно буркнул Чан Люцзюнь. — Все, что я умею, — это убивать. Я не смогу прочитать имена в реестре, да и ходить по округе и расспрашивать людей тоже. В-третьих, в Лояне и правда строгая охрана. Думаю, монголы планируют осаждать этот город до самой весны. Боюсь, что как только пару раз выпадет снег, куча людей замерзнет насмерть. Мы должны найти его как можно скорее. Времени на расспросы нет.

Дуань Лин молча смотрел на него.

У Ду сказал:

— Вы хотите, чтобы мы вдвоем проникли в Лоян, не так ли?

Чан Пин кивнул.

— Мы с Чан Люцзюнем поговорили об этом и решили, что сначала нам стоит отправиться в Е, чтобы повидаться с вами, а там посмотрим, что можно придумать. Но как раз когда мы собирались покинуть город, мы обнаружили на улице пару тангутов, отца и сына.

Дуань Лин молча уставился на него.

Ему казалось, он знал, что находилось в той комнате. В поместье было очень тихо, и не похоже, что здесь кого-то держали в заточении. Дуань Лину невыносимо было видеть такое, и в его глазах сразу появился страх. У Ду тоже понял, что происходит, как только он это произнес, и нахмурился.

Дуань Лин сделал шаг назад. Чан Пин открыл дверь до конца, и в комнату проник запах крови. У Ду отошел в сторону, чтобы заглянуть в окно, и увидел два трупа, сидящих рядом друг с другом в полумраке, — большой и маленький, с всклокоченными волосами и в белых одеждах. Они явно умерли не так давно.

Чан Люцзюнь вынес что-то из комнаты: два комплекта тангутской одежды и дорожный тканевый сверток. Чан Пин, держа в руках письмо, произнес:

— Эти двое были торговцами пушниной, проезжали через территорию Ляо в сторону Юань, думали, что пройдут границу в Аньси и отправятся в Лоян для торговли... Но, к сожалению, они умерли насильственной смертью в городе, оставив свой сверток выброшенным неподалеку. Они уже мертвы, и у меня возникла идея. Почему бы не замаскироваться под тангутов, чтобы проникнуть в Лоян? Но по документам, которые были при нем, выходило, что они отец и сын, а я не знал, как мне найти себе сына...

Пока Чан Пин говорил это, перед глазами Дуань Лина проплывала сцена за сценой.

Тангуты, отец и сын, пришли сюда из Силян. Они проезжали мимо Жунани и собирались повернуть на север. Перед этим они решили остановиться на ночлег и развели костер в этом заброшенном городе, чтобы перекусить сухим пайком.

Чан Люцзюнь спрятался за домом во дворе, а Чан Пин подошел к ним и завел разговор на тангутском языке. Он узнал, что их путь лежал в Лоян, и попросил их помочь ему найти кое-кого.

Возможно, узнав, что Юань и Ляо находятся в состоянии войны, они не захотели больше рисковать, поэтому отклонили просьбу Чан Пина и решили отправиться на юг, в Чэнь.

Не получив положительного ответа на свою просьбу, чтобы сохранить этот «важнейший» секрет, он попросил Чан Люцзюня убить этих двоих, поскольку тот все равно был рядом.

— Ты умеешь говорить по-тангутски, — произнес Чан Пин, — я слышал, что, когда ты был в

Тунгуань, то познакомился с принцем Силян, и вы стали хорошими друзьями.

— Да, — ответил Дуань Лин, — но вы не похожи на тангута, господин Чан Пин.

— Я не пойду, — Чан Пин указал на У Ду и продолжил. — Вы можете взять документы. У Ду был твоим приемным отцом... или братом. И вы двое, напротив, очень похожи.

— Я не умею говорить по-тангутски, — сказал У Ду.

— Притворись немым, — ответил Чан Пин. — Монголы, возможно, осадили город, и попасть внутрь будет непросто, но если вы действительно настроены войти, мы найдем способ — просто ждите моих указаний. Как только вы окажетесь в городе, вам нужно будет найти способ найти реестр имен. Все, кто переехал из Аньси в Лоян, должны были быть занесены в список. Затем нужно найти в нем одного человека. Я думал написать это имя на листке бумаги и отдать его Чан Люцзюню, чтобы он, приехав в город, попытался найти подходящее, но он не сможет отличить армейский реестр от реестра гражданских лиц. Когда имен слишком много, это тоже может запутать.

— Я понял, — произнес Дуань Лин. — Вероятно, он находится в руках чиновника низкого ранга, отвечающего за беженцев.

Разыскать человека, который был нужен Чан Пину, словно найти иголку в стоге сена. Стариков было слишком много; даже если он нарисует портрет, они не смогут сопоставить его с лицом. Да и Чан Пин не хотел раскрывать, кто это такой. Возможно, он действительно держал это в тайне, чтобы сохранить важнейший секрет.

Им нужно найти чиновника, отвечающего за беженцев из Аньси, выкрасть у него реестр и убедиться, что человек еще жив, а затем выследить его.

Дуань Лину стало крайне любопытно, кем может быть этот человек. Если он раньше жил в поместье Дуань, то, скорее всего, он сможет его узнать.

Но не исключено, что он просто ошибся, то есть тот, кого искал Му Куанда, не имел никакого отношения к «наследному принцу». Несмотря на то, что вероятность этого была крайне мала, Дуань Лин все равно решил проверить.

Но... в семье Дуань не было пожилых людей. Не мог же Чан Пин сказать, что из всего поместья Дуань выжил только один человек?

У Ду и Дуань Лин забрали одежду у Чан Люцзюня. Дуань Лин не хотел видеть картину в комнате, поэтому вместе с У Ду отправился в заброшенный дом на другой стороне улицы, чтобы переодеться в тангутскую одежду.

Дуань Лин был погружен в свои мысли, но, чтобы не услышал Чан Люцзюнь, ожидающий снаружи, он не решался много говорить.

— Ты думаешь о своем отце? — спросил У Ду.

О том, что его подслушивают, можно было не беспокоиться: в конце концов, все в поместье знали о личности Ван Шаня. Для посторонних он — сын аптекаря, чей отец умер, оставив его на попечение У Ду.

— Да, — глаза Дуань Лина слегка покраснели.

У Ду, одетый в белую нижнюю одежду, стоял, разглядывая тангутский халат.

— Его носят не так.

Дуань Лин тоже стоял в исподнем, помогая У Ду влезть в халат. Тангуты носили верхнюю одежду с левым отворотом сверху, а внутри был кожаный пояс, который пересекал грудь, а затем обхватывал талию сзади. Завязав внутреннюю петлю пояса, он надел штаны, а меховую шубу длиной до колен накинул в последнюю очередь.

У Ду уже закончил с одеждой, и Дуань Лин натянул на него еще и шапку с гусиным пером. Этот тангут не занимал высокого положения в обществе — гусиное перо в его шляпе было коричневым.

Дуань Лин уставился на У Ду. Тот сидел на кушетке. Он обнял Дуань Лина, который все еще был одет в белоснежное исподнее, усадив к себе на бедро, и заглянул ему в глаза.

У Ду сказал:

— Я думал об этом еще вчера, но сегодня, похоже, это действительно стало реальностью.

На полфразы он заулыбался.

Дуань Лин вспомнил слова, сказанные вчера У Ду, — он хотел встретить его, когда тот был еще совсем маленьким, забрать домой и вырастить. Подумав об этом, он не мог не рассмеяться, и эта мысль смела печаль с его сердца.

— Как сказать «папа» на тангутском? — спросил У Ду.

— Старший брат, отец и дядя как с материнской, так и с отцовской стороны, — ответил Дуань Лин, — все они называются «ада».

— Понятно. — кивнул У Ду и, немного подумав, произнес. — Но вынужден изображать немого, придется произвольно подавать знаки.

— Ничего страшного. Тогда давай так и сделаем, — ответил Дуань Лин. Он подумал: у ханьцев есть свой простой набор жестов, с помощью которых можно общаться, а у тангутов свой. Если они будут просто жестикулировать, кидани, скорее всего, не смогут ничего понять.

У Ду помог Дуань Лину одеться.

— Когда мы закончим с этим делом, возможно, канцлеру Му придется оказать нам услугу.

— Что ты хочешь взамен? — спросил Дуань Лин.

— Немного серебра, чтобы перевезти Зал Белого Тигра, и купить дом в горах, чтобы в будущем я мог возить тебя домой на выходные.

Дуань Лин и У Ду встретились взглядами, и в комнате воцарилась атмосфера нежности, нарушаемая лишь голосами Чан Люцзюня и Чан Пина за дверью. Они оба обернулись на шум. У Ду завязал узел с пуговицами на талии Дуань Лина и поправил ему головной убор, после чего они вышли на улицу, где у стены стоял Чан Люцзюнь, держа в руках треснувшее зеркало длиной с человека.

Они внимательно осмотрели друг друга, обнаружив, что теперь они действительно немного походили на тангутов. Чан Пин произнес на тангутском:

— Скажи мне, как собираешься объясняться, когда придешь туда.

Дуань Лин также ответил на тангутском:

— Мы с отцом родом из деревни Тяньшуй, что в Силян, а мои предки — из Шачжоу. Чтобы заработать себе на пропитание, мы занимаемся торговлей пушниной, и приехали на центральную равнину, чтобы купить немного чая. Мой отец глухонемой, поэтому я разговариваю за него. Если я с чем-то не могу справиться сам, то буду очень благодарен, если вы нам поможете, ведь нас всего двое. Ханьцы говорят, что дома мы полагаемся на родителей, а вдали от него мы должны полагаться на друзей. Заранее прошу прощения, если чем-то вас обидел.

Говоря это, Дуань Лин сложил руки по бокам, а большие пальцы направил перед собой, обратив ладони к полу. Затем он сделал полшага вперед левой ногой и поклонился, как было положено по тангутским обычаям. У Ду до этого стоял неподвижно, но, увидев, что делает Дуань Лин, повторил его жесты и слегка нагнулся.

Дуань Лин развернулся и помог У Ду исправить позу, добавляя по-тангутски:

— Вдали от дома мы должны заводить больше друзей. Больше друзей — значит, что и больше нас может заботиться друг о друге.

Чан Пин искренне засмеялся.

— Твой тангутский действительно очень хорош.

Дуань Лин ответил:

— Спасибо.

— У Ду — не тангут, — сказал Чан Пин, — боюсь, он выдаст себя. Но если он притворится идиотом, тогда его никто не заподозрит.

У Ду с растерянным видом вытаращил глаза.

Дуань Лин едва сдерживал смех, поспешно добавив:

— Отличная идея.

Но У Ду снова принял прежнее выражение лица и стал таким же холодным и безразличным, как и раньше.

— Господин Чан Пин, это совсем не просто, вы же знаете.

Чан Пин поклонился и сказал:

— Я должен искренне поблагодарить вас обоих. Если вы успешно выполните это задание, когда мы снова предстанем перед канцлером, я позабочусь о том, чтобы вы оба получили достойное вознаграждение.

У Ду стоял на месте, но как только он перестал изображать из себя идиота, от него стала исходить устрашающая аура. Он небрежно бросил:

— Я хочу только одного, так почему бы вам не согласиться на это заранее, господин Чан Пин.

— Пожалуйста, говори, — сказал Чан Пин.

— Вы, разумеется, знаете, что происходит между мной и Ван Шанем, — произнес У Ду. — Так что я не хочу больше слышать, чтобы господин канцлер говорил о том, что нужно найти Шань-

эру жену.

Чан Пин, казалось, растерялся. Дуань Лин тоже застыл, он сразу же вспыхнул, ведь и представить себе не мог, что У Ду попросит именно об этом.

Чан Пин был человеком тактичным.

— Канцлер делал это только потому, что считал, что так будет лучше, но раз уж ты об этом заговорил, предоставь это мне. Сюда, пожалуйста.

Дуань Лин и У Ду сели на спину Бэнь Сяо, а Чан Люцзюнь с Чан Пином взяли другую лошадь. Оставляя Жунань позади, они направились в сторону Лояна.

***

В тот день они прибыли в Аньси уже в сумерках, но он тоже был заброшен. Рано утром на следующий день У Ду нашел ветхую телегу, накинул ее ярмо на шею Бэнь Сяо и заставил его тянуть их за собой. Так Дуань Лину удалось немного поспать.

На третий день на закате они добрались до окраины Лояна.

— Господин Чан Пин, теперь вы должны рассказать, как нам попасть в город.

Дуань Лин стоял на возвышенности гор Яньданшань, всматриваясь вниз. К северу от Лояна простиралась бескрайняя равнина, за которой начиналась Великая стена. На юго-западе, в четырехстах ли, находился проход Юйбигуань, а далее — Тунгуань.

Лоян с трех сторон был окружен горами, и лишь сторона города, выходящая на север, была открытой, поэтому зимой в этом приграничном городе всегда царила ледяная стужа.

А теперь равнины к северу от Лояна были плотно заполнены монгольскими солдатами — лагерь разбили почти пятьдесят тысяч человек. Ночью, когда бушевал шторм, развевались военные знамена, и казалось, что в любой момент может начаться битва.

Чан Пин сказал:

— Ну, я туда не пойду. Как только вы двое войдете в город, Чан Люцзюнь придумает, как пробраться туда и помочь вам. Я же отсюда отправлюсь в Е, так что если у вас есть какие-то сообщения, скажите их мне, и я передам их за вас.

Дуань Лин вспомнил, что Фэй Хундэ сейчас был в Е, и рассказал об этом Чан Пину, но Чан

Люцзюнь возразил:

— Господин Чан Пин, вы не должны путешествовать в одиночку.

— Вы не сможете войти в город, если возьмете меня с собой, — произнес Чан Пин. — Нет никакой разницы между тем, чтобы остаться здесь и вернуться в Е. Ждать в Е будет немного безопаснее.

Чжэн Янь тоже был в Е, подумал Дуань Лин, так что вряд ли что-то пойдет не так. С другой стороны, если попросить Чан Пина остаться здесь и спрятаться где-нибудь под горой Лоян, он окажется слишком близко к монгольской армии и его легко смогут обнаружить разведчики.

Чан Люцзюнь все еще колебался, когда Чан Пин добавил:

— Господин канцлер хотел, чтобы мы вернули этого пожилого человека. Чан Люцзюнь, ты должен знать, какие у нас приоритеты.

Чан Люцзюнь долго размышлял и наконец серьезно кивнул.

Чан Пин сказал:

— Если вам удастся его найти, верни его в Цзянчжоу. Нельзя допустить ни секунды промедления.

Чан Люцзюнь хмыкнул в знак согласия. Чан Пин же отозвал Дуань Лина в сторону и, понизив голос до шёпота, прошептал ему на ухо:

— Этот человек слеп, ему в этом году восемьдесят три года, детей у него нет. Его фамилия Цянь, а сам он ханец. Убедись, что ты все это запомнил.

Дуань Лин выглядел совершенно озадаченным. Он никак не мог вспомнить, кто бы это мог быть. Может, это вымышленное имя? Зато теперь он понял, почему Чан Пин не попросил Чан Люцзюня разыскать его. Как он мог разыскать его, имея при себе лишь фамилию? Пришлось бы медленно проверять списки.

— Я понял.

Дуань Лин сдержал любопытство. Если уж они смогут его найти, то выяснить, кто он такой, будет несложно.

Чан Пин спросил:

— У тебя еще есть вопросы?

— Господин Чан Пин, пожалуйста, просветите меня, — сказал Дуань Лин, — как мы сможем прорваться в настолько хорошо охраняемый город?

Чан Пин перевел взгляд на армейский лагерь у подножия горы и улыбнулся.

— Всегда можно найти выход. Ты заметил вон тот лагерь для пленных?

В кромешной тьме Дуань Лин ничего не видел. Чан Пин начал рассказывать план, а вскоре попрощался с ними. Дуань Лин снова заговорил с Бэнь Сяо, приказав коню следовать за Чан Пинон. Зная строптивый нрав скакуна, который не подпускал к себе чужих, он привязал поводья к лошади Чан Пина, чтобы Бэнь Сяо бежал следом.

В чёрной пелене ночи У Ду и Дуань Лин, крадучись, приближались к лагерю пленных. Вскоре они спешили у окраины с мешками за спиной, высматривая обстановку, и двинулись дальше.

— Кто там?! — монгольские солдаты сразу же обнаружили У Ду. Тот беспорядочно размахивал руками, мыча бессмысленные слова: «А, а!». Дуань Лин подошел к нему и попытался оттащить, но монгольские солдаты уже окружили их.

Дуань Лин попытался объяснить монголам на тангутском языке, что они с отцом приехали сюда по делу, и не зачем применять насилие. Но едва он начал объяснять, как мешок вырвали, их обыскали, а затем связали руки веревками и повели в лагерь пленных.

Пока их обыскивали, У Ду все время пронзал взглядом монголов, которые ощупывали Дуань Лина, опасаясь, что из-за его привлекательной внешности те начнут срывать с него одежду.

Обычные веревки, которыми связывали людей, совершенно не могли удержать У Ду — он в любой момент мог разорвать их, если бы захотел. Но, к счастью, сейчас была ночь, и монголы не разглядели подвоха, думая, что им удалось схватить пару «жирных овец».

В западном лагере десятник попытался допросить их, но У Ду изображал панику, а Дуань Лин, коверкая монгольский с акцентом, умолял о пощаде. В конце концов десятник махнул рукой, приказав увести пленников.

Затем ворота лагеря для заключенных открылись, и Дуань Лина и У Ду втокнули внутрь.

Большинство пленных внутри спали и не шевелились, услышав шум. Лишь изредка кто-то поднимал голову, наблюдая за ними. У Ду притворился, что с трудом передвигается, добрался до угла и прислонился к деревянной ограде, позволив Дуань Лину опереться на него.

— Поспи немного, — прошептал У Ду. — Давай подождем Чан Люцзюня. Руки не болят от веревки?

— Мы сделали это, — Дуань Лин придвинулся к уху У Ду и прошептал. — Не болят.

Медленно наступил день, и пленники начали тихо переговариваться. Все они были мужчинами, одни печально вздыхали, а другие сетовали на свои обстоятельства. И вот Дуань Лин заговорил с ними на киданьском и узнал, что многие из них сбежали из Лояна.

Некоторые спрашивали, откуда взялись Дуань Лин и У Ду, и У Ду все время молчал, пока Дуань Лин рассказывал им, что он приехал по торговым делам в Лоян со своим отцом и, как только они приблизились к городу, их схватили монгольские солдаты.

Конечно, все им поверили. Дуань Лин обратил внимание на киданьского мужчину, покрытого порезами и синяками. Он казался каким-то знакомым, но Дуань Лин не мог вспомнить, где он видел его раньше.

— Что с ним? — спросил Дуань Лин.

Мужчина средних лет ответил:

— Он болен.

— Как вас зовут? — Дуань Лин придвинулся ближе, слегка коснувшись плеча мужчины.

У мужчины была высокая температура, он лежал без сознания и был одет в киданьскую одежду, а волосы его были растрепаны. Чем больше Дуань Лин смотрел на него, тем больше ему казалось, что он его откуда-то знает. Он расспросил о нем окружающих пленников, но никто никогда его раньше не видел.

Мужчина средних лет причитал:

— Мы все умрем. Не стоит тратить силы.

Этот мужчина средних лет носил фамилию Шэнь, а его полное имя было Шэнь Чун, он служил чиновником в Лояне. Заранее узнав о нападении монголов, он взял свою семью и попытался выбраться из города, но в итоге столкнулся на дороге с монгольской ордой и попал в плен. Монголы потребовали от него написать письмо, чтобы люди из города выкупили его, но у Шэнь Чуна не осталось денег. Поэтому все, что ему оставалось, — это находиться здесь в плену.

Дуань Лин отошел к У Ду, и тот написал на его ладони пальцем: «Ты его знаешь?»

Дуань Лин глядел на У Ду с сомнением в глазах. Между его бровей пролегла складка, и он покачал головой.

«Почему Чан Люцзюнь еще не пришел?» — написал в ответ Дуань Лин.

«Сегодня вечером» — нарисовал слово на ладони Дуань Лина длинный палец У Ду. Он обхватил его ладонь пальцами и сжал ее.

Дуань Лин прижался к груди У Ду, его живот урчал от голода, но они ничего не могли поделать. К вечеру монгольские солдаты наконец швырнули внутрь корзину с бобами, рассыпав их по земле, словно кормили цыплят.

Увидев еду, пленные тут же распластались по земле, подбирая бобы ртом.

Дуань Лин и У Ду лишь молча наблюдали. Через некоторое время монголы принесли ведра и начали выплескивать воду в толпу. Пленные раскрывали рты, пытаясь поймать хоть глоток воды.

Дуань Лина так мучила жажда, что казалось, будто из горла шел дым. Он подумал про себя: «Эта работа нечеловеческая. Если Чан Люцзюнь не появится сегодня вечером, стукну его линейкой по руке».

Так прошел целый день, и пленники постепенно затихли.

В сумерках, когда Дуань Лин уже задремал, сзади его ткнули пальцем и перерезали веревку, связывающую его руки. Наконец-то появился Чан Люцзюнь.

— Давайте сделаем это, — сказал Чан Люцзюнь.

У Ду разорвал веревку руками, а Дуань Лин размял руки. Чан Люцзюнь перерезал веревки у всех по очереди, отпуская пленников на свободу.

— Бегите! — сказал Дуань Лин. — Выбирайтесь наружу!

Все больше и больше пленников освобождались от своих пут, шепотом переговариваясь друг с другом. Дуань Лин подозвал их к себе и велел следовать за Чан Люцзюнем. Он повел их к конюшням извилистым путем, проложенным заранее.

— Вперед! — Дуань Лин вскочил на коня, затащил на спину У Ду и вывел более сотни заключенных из лагеря. Монголы еще не заметили, что что-то случилось. Все пленные кидани спасались бегством, понимая, что это единственный шанс выбраться живыми, они подстегивали своих лошадей и галопом неслись в сторону Лояна.

Услышав шум, монголы наконец-то почуяли неладное. Пленники находились на самом западном краю лагеря, и как только прозвенел гонг, монголы бросились в погоню, осыпая беглецов в темноте стрелами. Тем временем Чан Люцзюнь с остальными уже вырвался к городским стенам и прокричал:

— До встречи!

Он двинулся вдоль городской стены и, быстро свернув, бесследно исчез за углом, оставив У Ду и Дуань Лина сливаться с остальными сотнями людей, галопом несущихся к городским воротам.

— Откройте ворота! — кто-то закричал.

— Скорее открывайте ворота! — восклицали все пленники.

Это был план номер один Чан Пина: они замаскируются под заключенных, спасут кучу народа и войдут в город. Если все пройдет гладко, то они беспрепятственно проникнут внутрь, а пленники даже смогут подтвердить их рассказ.

Если же обман раскроют, придется затаиться в городе, скрываясь от патрулирующих солдат, и ждать удобного случая, чтобы разыскать старика.

<http://bllate.org/book/15657/1400666>